

Не успели они опомниться, как мужчина пинком опрокинул груды хлама, за которой они прятались.

Схватив детей за руки, Лю Чжэньцин бросился прочь, надеясь проскользнуть к окну.

Но тут со свистом пролетела тяжелая сабля. Не среагировав девочка вовремя — не дерни она спутников назад, — все трое сейчас лишились бы голов.

Мужчина коршуном налетел на них. Перехватив оружие, он яростно обрушил его на беглецов — двигался он на удивление стремительно и бил без пощады. Прежде, видя его трусливые воровские повадки, Лю Чжэньцин явно недооценил этого прохиндея.

Лю Чжэньцин петлял среди завалов, утягивая за собой детей, и на ходу кричал:

— Эй! Мы вообще-то стоим целых шесть тысяч лянов золотом! Живьем! Поаккуратнее с железякой!

Но не успело эхо его слов затихнуть, как из глубины комнаты раздался истеричный, полный паники визг неверной супруги:

— Убей их! Живыми они отсюда уйти не должны!

Мужчина не стал тратить слова на ветер. Его удары стали еще яростнее, каждый целил в жизненно важные точки.

Лю Чжэньцин быстро сообразил, в чем дело. Хозяин игорного дома — человек крутого нрава. Узнай он об интрижке благоверной с собственным шурином, оба любовника мигом отправятся на тот свет. Для этой парочки собственное спасение было куда важнее чужих жизней, пусть даже те и стоили шесть тысяч лянов.

«Влипли так влипли».

Противник наседали с неистовой силой. Первый удар пришелся на Лю Чжэньцина, который загоразживал собой детей: лезвие располосовало ему предплечье, и зажатый в руке кинжал со звоном отлетел в сторону. Девочка среагировала мгновенно — подхватила оружие на лету и бросилась наперерез мерзавцу. Однако, несмотря на сносную выучку, ей не хватало веса и мощи, чтобы противостоять взрослому, разъяренному мужчине. Парой сокрушительных ударов он ошеломил ее, выбил остатки сил и швырнул навзничь.

Лю Чжэньцин вместе с мальчишкой, хватая все, что подворачивалось под руку, отчаянно бросился на подмогу. В завязавшейся куче-мале оба получили раны. Лю Чжэньцину досталось сильнее всего: лезвие глубоко рассекло ему ногу, хлынула кровь, и они оба покатались по полу.

Девчонка снова кинулась в бой, пустив в ход все приемы, которым ее когда-либо учили. Ей чудом удалось выбить саблю из рук противника. Но порадоваться победе она не успела: мужчина схватил стоявший рядом дряхлый стул и со всего размаху обрушил его на нее. Малышка едва успела закрыться руками; дерево с треском разлетелось в щепки, и девочка без сил повалилась на доски.

Мужчина уже окончательно обезумел от запаха крови. Нащупав оброненный клинок, он замахнулся для смертельного удара. Лю Чжэньцин попытался подняться, но поврежденное сухожилие отозвалось такой резкой болью, что нога сразу подогнулась. Понимая, что секунда промедления будет стоить жизни ребенку, он в отчаянии закричал:

— Стой! Я Лю Сяочжу, старший молодой господин из семьи придворного купца Лю! Я дам тебе любые деньги! Помогу бежать, спрячу, выведу из столицы!

Лю Чжэньцин действительно запаниковал. Даже когда он только очнулся в чужом теле посреди смертельной ловушки, его сердце не сжималось от такого дикого, первобытного страха.

«Если эти двое погибнут по моей вине... Я ведь сам втянул их в это безумие! Смерти детей я себе не прощу. Чего бы это ни стоило, они должны жить!»

— Возьми меня в заложники! Меня одного! А детей отпусти!

Его крик заставил убийцу на мгновение замешкаться. Но страх разоблачения быстро перевесил чашу весов — свидетель не должен выжить. Мужчина поудобнее перехватил рукоять. Лю Чжэньцин, преодолевая адскую боль в ноге, рванулся вперед, буквально волоча себя по полу, но понимал — не успевает.

В этот миг хрупкий мальчик, преодолевая боль, рванулся вперед и закрыл сестру своим телом. Он закинул голову навстречу летящей стали и из последних сил закричал:

— Назад! Мы из семьи великого генерала!

Громкое, отчаянное упоминание генеральского дома заставило всех троих взрослых оцепенеть.

В императорской столице существовал лишь один род, носивший это великое звание, — семья Хо.

Лю Чжэньцина словно громом поразило. Вглядываясь в искаженные страхом лица детей, он вдруг осознал то, что подсознательно чувствовал с самой первой минуты их встречи. Сердце бешено заколотилось, к горлу подступил горячий ком. Он во все глаза смотрел на брата и сестру, жадно пытаясь отыскать в их чертах знакомые, дорогие сердцу штрихи.

— Вы... из Хо... — ошеломленно пробормотал мужчина. Имя великого полководца все еще хранило неоспоримую, пугающую власть над простыми смертными.

— Наш дядя — сам великий генерал, защитник государства Хо Фэнле! — твердо, не давая врагу опомниться, отчеканил мальчик. — Опустит оружие, и у тебя появится шанс выжить. Но если посмеешь тронуть нас — тебя казнят самой мучительной смертью! Тысячью ударов!

Хо Фэнле... Тот самый прославленный воитель, чье имя лишь сегодня золотом засияло на нефритовой колонне Свернувшегося Дракона!

При звуках этого имени горе-любовники окончательно побелели от ужаса, парализованные внезапно открывшейся правдой.

Для Лю Чжэньцина же этот ответ прозвучал подобно раскату грома. Кровь зашумела в ушах, мысли путались от потрясения.

«Боги, это действительно они! Те самые близнецы Хо Фэйхэня и Ли Синжо!»

«Но ведь в детстве они были похожи как две капли воды! Как же они ухитрились так измениться, что я их не узнал?..»

Размышлять было некогда: боковым зрением Лю Чжэньцин уловил, как холодное лезвие вновь пришло в движение.

Генеральский дом страшен, но дело уже сделано. Наемник прекрасно понимал: пощады ему все равно не видать. Для таких сильных мира сего он лишь ничтожная букашка. Единственным выходом для него оставалось замести следы, убрать свидетелей и надеяться, что все сойдет ему с рук.

Правда о происхождении детей лишь укрепила его в намерении убить их. Широкий замах сменился коротким, выверенным и смертоносным выпадом — острое сабли устремилось прямо в грудь мальчика.

— Юньцзянь, беги! — закричала Хо Юньцы, пытаясь оттолкнуть брата и принять удар на себя. В этот миг ее затопило горькое раскаяние. Зачем она поддалась упрямству и потащилась в этот проклятый притон? Из-за ее глупости теперь погибнет брат, да еще и случайный попутчик попал под раздачу.

Хо Юньцзянь всегда казался тихим и во всем слушался сестру, но сейчас в нем проснулась гордая кровь предков. Хо никогда не бросали своих! Он упрямо перехватил руку сестры, пытаясь отпихнуть ее в сторону, — иначе лезвие прошьет обоих насквозь.

В это роковое мгновение перед глазами детей промелькнул тонкий силуэт.

Глухой стон сорвался с губ Лю Чжэньцина. Близнецы застыли, потрясенные увиденным.

Острая сталь пробила тонкий шелк зеленого одеяния. По ткани расплзлось багровое пятно, пряди темных волос взметнулись в беспорядке. Этот слабый, израненный человек заслонил их собой, приняв весь удар на себя. Из-за его плеча дети не видели нависшего убийцы, как не видели и лица своего спасителя.

Зато его прекрасно видел враг.

Жизнерадостный блеск в глазах Лю Чжэньцина угас, уступив место чему-то темному и грозному. Это не было угасание умирающего — это было пробуждение хищника. Черты лица исказила холодная, зловещая решимость. Взгляд, острый и ядовитый, словно наконечник стрелы, заставил противника содрогнуться от необъяснимого страха. Так великий судья смотрит на жалкого грешника, посмеявшегося нарушить закон.

Этим взглядом когда-то обладал всемогущий регент, державший в руках судьбу государства и Золотую печать регента. Под его тяжестью даже у отпетого головореза подогнулись колени.

Левой рукой Лю Чжэньцин мертвой хваткой вцепился в запястье нападавшего, используя собственное тело как живой капкан — клинок застрял в ране, не давая врагу ни высвободить оружие, ни сделать шаг назад. В правой руке Лю Чжэньцина тускло блеснула тяжелая белонефритовая шпилька, которой мгновение назад были заколоты его волосы.

Этому смертоносному приему его когда-то научил сам Хо Фэйхань. Правда, в оригинале полагалось зажать вражеский клинок подмышкой, но нерадивый «ученик» в критический момент все перепутал. Положившись на глубокие познания в анатомии, Лю Чжэньцин интуитивно подставил тело так, чтобы кости и мышцы заклинили лезвие, лишая противника маневра.

Остро заточенный конец шпильки устремился прямо в кадык врага. Опешивший мужчина среагировал с опозданием, но в последний миг все же успел дернуть головой. Острие лишь скользнуло по шее, оставив неглубокую царапину. Хо Юньцы, наблюдавшая за этим, разочарованно выдохнула — выпад показался ей слишком неумелым.

Но Хо Юньцзянь, заметив, как дрогнуло предплечье раненого, затаил дыхание. В ту же секунду Лю Чжэньцин резко повернул кисть и с силой рванул шпильку вниз.

«Целью с самого начала был вовсе не кадык — пробить хрящ обычным украшением требовало нечеловеческой силы».

«Эту уловку когда-то разработали Хо Фэйхань и Ли Синжо. Горло было лишь приманкой, а истинный удар наносился сбоку — туда, где пульсировала крупная сонная артерия».

— А-а-а!

Мерзавец взвыл от боли, из раны хлынул фонтан темной крови. Зажав поврежденное горло одной рукой, он вырвался из слабеющего захвата Лю Чжэньцина и мертвой хваткой вцепился ему в шею, желая забрать спасителя с собой в преисподнюю.

Близнец и его сестра тут же бросились на помощь, отчаянно пытаясь разжать пальцы убийцы.

Лю Чжэньцин уже не чувствовал ног. На его лице, вопреки смертельной хватке на горле, заиграла победная, торжествующая улыбка, а во взоре вновь зажглись привычные озорные искры.

В глазах уже темнело от нехватки воздуха, когда сквозь глухой шум в ушах до него донесся треск ломающегося дерева.

В комнату, рассекая воздух, влетел иссиня-черный клинок. На удивление знакомый меч со свистом вошел точно в затылок противника, пробив череп насквозь.

Мерзавец даже не успел пикнуть. Обмякшее тело рухнуло на пол мешком, открывая обзор.

Позади него лежала неверная супруга, которую пришибло выбитой дверью, а в проеме высилась статная мужская фигура в темных одеждах.

— Дядя! — в один голос радостно вскрикнули дети.

Силы окончательно оставили Лю Чжэньцина. Ноги подогнулись, и он рухнул бы на доски, если бы близнецы вовремя не подхватили его с двух сторон.

Незнакомец стремительным, неуловимым движением оказался рядом и опустился на одно колено, собираясь осмотреть раны.

«Лю Чжэньцин знал: это пришел Хо Фэнле».

Им не двигало праздное любопытство — он не пытался разглядеть, каким стал тот хрупкий мальчик за прошедшие годы. Он просто устало поднял голову, повинаясь инстинкту.

Первое, за что зацепился взгляд, — протянутая к нему ладонь. Когда же этот ребенок успел так вырасти? Крупная мужская рука с длинными сильными пальцами и проступающими венами была сплошь покрыта жесткими мозолями от тренировок с мечом. Но эти шрамы не портили ее, напротив, от нее веяло спокойной, неодолимой силой. Рукава темного халата с вышитыми серебром облаками плотно облегли развитые предплечья. Выше угадывался разворот крепких плеч, очертания сильной шеи и волевой подбородок. Высеченное словно из

камня лицо с точеными скулами, прямой нос, четко очерченные губы и темные, глубокие глаза под разлетом прямых бровей.

Не будь этот облик скован суровой, ледящей стужей, юноша наверняка прослыл бы первым красавцем столицы, способным одним взглядом покорять девичьи сердца.

Внешность мужчины казалась до боли знакомой и одновременно бесконечно чужой.

В последний раз они виделись, когда совсем еще юный Хо Фэнле принял из рук погибшего брата бразды правления, поднял знамя армии семьи Хо и ушел защищать западные рубежи империи.

Тогда ему было всего семнадцать. А через год... С тех пор минуло долгих девять лет.

Лю Чжэньцину было не по себе под этим тяжелым взглядом, но он невольно утонул в бездонной глубине этих темных, как безлунная ночь, глаз.

Ему почудилось, будто генерал на долю секунды опешил, а в глубине его зрачков промелькнуло мимолетное замешательство.

Лю Чжэньцин попытался ободряюще улыбнуться, но вместо улыбки с его губ сорвался хриплый кашель, окропив подбородок свежей кровью.

— Молодой господин Лю? — раздался низкий, бесстрастный голос, в котором, вопреки сухости, слышалось благородство чистейшего хрусталя.

«Молодой господин Лю?.. — Лю Чжэньцину безумно захотелось рассмеяться. — Надо же, теперь я для него просто какой-то господин Лю».

Однако сил на смех не осталось. Сознание стремительно угасало, тело обмякло и начало заваливаться назад. Последнее, что он успел почувствовать перед тем, как окончательно провалиться в темноту, — широкую, теплую ладонь, бережно поддерживавшую его под затылок.

Надежно и мягко.